

Коммюнике Ассоциации Онтологического Анархизма

1986, источник: [здесь](#)

КОММЮНИКЕ 1. Весна 1986

Лозунги и девизы для граффити в метро и для прочих целей:

“ *Безродный космополитизм*

Поэтический терроризм (царапать или ставить оттиски на рекламных щитах)

Этого вы хотите на самом деле

Марксизм-штирнеризм

Бастуйте за праздность и красоту духа

У маленьких деток прекрасные ножки

Цепи закона разбиты

Тантрическая порнография

Радикальный аристократизм

Партизаны города за свободу детей

Боло-боло

Гей-сионизм (Содом для содомитов)

Пиратские утопии

Хаос бессмертен

Некоторые из вышеперечисленных — «искренние» лозунги Ассоциации онтологического анархизма (АОА), другие предназначены для того, чтобы вызвать в публике враждебность и непонимание, — но мы точно не знаем, какие из них какие. Благодарим Сталина, Неизвестного автора, Боба Блэка, Пира Хасана (мир ему), Ф. Ницше, Хэнка Перселла-младшего, П. М. и брата Абу Джихад аль-Салаха из мавританского храма Дагон. Некоторые идеи поэтического терроризма по-прежнему уныло прозябают в мире концептуального искусства.

1. Войти в компьютерный зал для клиентов «Ситибанка» или «Химбанка» при большом скоплении народа, насрать на пол и убежать.

2. Чикаго, 1 мая 86: организовать религиозную процессию мучеников Хеймаркета — огромные знамена с сентиментальными портретами, в гирляндах цветов, фольге и лентах; пусть их несет покаянная процессия в черных рясах с капюшонами в КККатолическом стиле. Походно-полевые телеслужки курят ладан, брызгают в толпу святой водой — анархисты с вымазанными пеплом лицами хлещут себя маленькими плетками и бичами — «Папа» в черных одеждах благословляет крохотные жестяные гробики, которые плачущие панки благочестиво несут на кладбище. Такой спектакль должен оскорбить *почти всех*.

3. Расклеить на стенах в общественных местах ксерокопии листовки: фотография голого двенадцатилетнего мастурбирующего мальчика; к ней четкая подпись: «Лик божий».

4. *Анонимно* посылать по почте тщательно исполненные изящные магические благословения людям или группам людей, которыми вы восхищаетесь, например, за их политические убеждения, духовную и физическую красоту, успешную преступную деятельность и т. п. В общем и целом, следуйте процедуре, описанной ниже, в пункте 5, но пользуйтесь эстетикой удачи, восторга и любви — в зависимости от того, что больше подходит.

5. Навлечь страшное проклятие на какое-нибудь вредное *учреждение*, например, нью-йоркскую почту или компанию МУЗАК. Техника малайских колдунов: пошлите компании пакет, содержащий бутылку, закрытую пробкой и запечатанную черным воском. Внутри: дохлые насекомые, скорпионы, ящерицы и тому подобное; мешок с кладбищенской глиной («гри-гри» в терминологии американских вуду) и другими ядовитыми веществами; яйцо, пронзенное железными иголками и булавками; свиток, на котором изображена янтра (эта янтра, или «веве», вызывает Черного Джина, *темную* сторону «я»). Подробности можно узнать в АОА). В сопроводительной записке объясните, что злые чары обращены на учреждение, а не на людей — но если учреждение это само по себе не перестанет быть *вредным*, проклятие (словно зеркало) начнет заражать его территорию злосчастьем, миазмами негативности. Подготовьте «выпуск новостей», в котором разъясните проклятье и берете на себя за него ответственность от имени Американского поэтического общества. Пошлите экземпляры этого текста всем служащим компании и в некоторые средства массовой информации. В ночь перед тем, как эти письма дойдут до адресатов, заклейте стены учреждения ксероксными эмблемами Черного Джина, так чтобы все служащие увидели их, придя на работу следующим утром.

(Еще раз спасибо Абу Джехаду, а также Шро Анаманеде — мавританскому кастеляну Бельвересской башни погоды — и другим друзьям из Автономной зоны Центрального парка — и Бруклин-Темпл №1.)

КОММЮНИКЕ 2. Памятное болото

Калликак и ашрам хаоса: предложение

Испытывая одержимость трейлерами «Эрстрим» — этими классическими миниатюрными дирижаблями на колесах — равно как и сосновыми пустошами Нью-Джерси, огромными

затерянными в пространстве задворками, состоящими из песчаных лощин и смолистых сосен, клюквенных болот и призрачных городов, где население 14 человек на квадратную милю, грунтовые дороги, заросли папоротников, провалившиеся лачуги и отдельно встречающиеся ржавые бытовки со сгоревшими автомобилями в двориках.

Земля мифических калликаков — сосновых семеек, которых исследовали евгеники в 1920-е годы на предмет оправдания стерилизации бедняков. Некоторые калликаки выгодно женились, преуспели и стали буржуа благодаря хорошим генам — другие никогда по-настоящему не работали, а жили в лесу — инцест, содомия, умственная отсталость цвели пышным цветом — фото подретушированы, чтобы лица выглядели пустыми и тупыми — произошли от мошенников-индейцев, гессийских торговцев, контрабандистов рома, дезертиров — лавкрафтовские дегенераты.

А ведь если подумать, калликаки вполне могли произвести на свет тайных хаотов, секс-радикалов, пророков Нуля. Как и другие монотонные пейзажи (пустыня, море, болото), пустоши, похоже, пронизанные некой эротической мощью — это не столько врил, или оргон, сколько тягучий беспорядок, почти похотливость природы, как будто вода и суша сотканы из сексуальной плоти, мембран, пещеристых эрекционных тел. Мы хотим разбить здесь бивак — может быть, заброшенный охотничий или рыбацкий домик с плитой и сортиром — или разваливающийся кемпинг у деревенской дороги, по которой никто не ездит — или просто гуща деревьев, где мы припаркуем два-три «Эрстрима» — среди сосен, у ручья или пруда. Были ли калликаки способны на что-нибудь путное? Посмотрим.

Где-то мальчики мечтают, что придут инопланетяне и вызволят их из семей, возможно, при этом испепелив родителей каким-нибудь космическим лучом. Разоблачение Заговора космических пиратов о похищении детей — Инопланетянин под маской оказался фанатическим диким шиитом-поэтом — НЛО над Сосновой пустошью — Пропавшие мальчики покинут Землю — утверждает так называемый пророк Хаоса Хаким Бей. Мальчики-беглецы, грязь и беспорядок, экстаз и похоть, детство как постоянный бунт, коллекции — лягушек, улиток, листьев — хождение пописать при луне — 11, 12, 13 — достаточно взрослые, чтобы отобрать бразды правления своей собственной историей у родителей, школы, социальных служб, телевидения — приходите жить с нами в Пустоши — мы выращиваем местный сорт бессемянной травы, чтобы финансировать свои прихоти и созерцание летней алхимии — и больше ничего не производить, кроме артефактов Поэтического Терроризма и памяток о наших радостях.

Ездить на бесцельные прогулки в старом пикапе, ловить рыбу и собирать ягоды, валяться в тенечке, читая комиксы и поедая виноград — вот наша экономика. Полнота вещей, не скованных законом, каждая молекула — орхидея, каждый атом — жемчужина для внимательного сознания — вот наш культ. «Эрстрим» задрапирован персидскими коврами, газон ломится от довольных жизнью трав.

Дом в деревьях становится деревянным космическим кораблем в обнаженности июля и полночи, полуоткрытый звездам, теплый от эпикурейского пота, то взлетая, то затихая в дыхании сосен. (Дорогой Боло Лог: ты просил меня о практической и доступной утопии — вот она, не простая фантастика после катастрофы, никаких замков на Луне и на Юпитере —

схема, к исполнению которой мы можем приступить завтра — не считая того, что каждый ее аспект нарушает какой-нибудь закон, разоблачает какое-нибудь абсолютное табу в американском обществе, угрожает самому обществу и т. д., и т. п.) Это наше истинное желание, и чтобы достичь его, мы должны размышлять о жизни, состоящей не только из чистого искусства, но и из чистого преступления, чистого бунта. Аминь.

КОММЮНИКЕ 3. Хеймаркетский выпуск

“ «Я должен только походя отметить странное возрождение рыбной традиции в цикле фильмов о Годзилле, появившемся после того, как ядерный хаос обрушился на Японию. Собственно, символические детали в эволюции киношного поп-фольклора Годзиллы образуют удивительную параллель с традиционными для мифологии и фольклора Китая и Японии темами сражения с амбивалентными существами из хаоса (причем некоторые фильмы, например «Мотра», непосредственно содержат древние мотивы космического яйца (кокона), которое обычно укрощается после неудачной попытки упорядочить цивилизацию с помощью особых и непрямолинейных манипуляций со стороны детей)».

— Жирардо, «Миф и смысл в раннем даосизме: Тема хаоса (Хунь-Дунь)

В одном из Храмов мавританской науки (в Чикаго или Балтиморе) один мой знакомый утверждал, что видел тайный алтарь, где покоился комплект из 6 арбалетов (в бархатном футляре) и черной фески. Возможно, инициация во внутренний круг требовала, чтобы неофит убил, по меньшей мере, одного полицейского. /// А как же Луис Линг? Был ли он предшественником онтологического анархизма? «Я презираю вас» — разве можно не восхищаться подобными эмоциями. Но человек взорвал себя динамитом в возрасте 22 лет, чтобы избежать виселицы... это не совсем тот путь, который выбрали мы. /// Само ПОНЯТИЕ «Полиция», словно гидра, отращивает сто новых голов вместо одной отрубленной — и все эти головы — живые копы. Отрубая головы, мы ничего не выигрываем — это будет только увеличивать силу чудовища, пока оно нас всех не пожрет. /// Сначала убейте ИДЕЮ — взорвите монумент, существующий внутри нас — а потом, может быть... баланс сил сдвинется. Когда последний коп в нашем мозгу будет застрелен насмерть последним неисполненным желанием — тогда, может быть, даже пейзаж вокруг нас начнет меняться... /// Поэтический терроризм предлагает это саботирование архетипов как единственно верную революционную тактику на данный момент. Но, подобно шиитам-экстремистам, жаждущим разделаться любыми средствами со всеми полицейскими, аятоллами, банкирами, палачами, священниками и т. п., мы оставляем за собой выбор — с почтением относиться даже к «неудачам» радикальных эксцессов. /// Несколько дней свободы от Империи лжи могут стоить значительной жертвы; миг возвышенного свершения может перевесить целую жизнь, заполненную микроцефальной скукой и работой. Но этот миг должен принадлежать нам — и наше владение им может быть сильно скомпрометировано, если мы должны совершить самоубийство, чтобы сохранить его целостность. Поэтому к нашему почтению примешивается ирония — мы провозглашаем не

мученичество как таковое, а отвагу динамитчика, самообладание чудовища из хаоса, достижение незаконных, криминальных радостей.

КОММЮНИКЕ 4. Конец света

АОА официально объявляет, что ей осточертел Конец Света. Каноническая версия используется с 1945 года, чтобы заставить нас дрожать в страхе перед неизбежным всеобщим уничтожением и в раболепном услужении нашим супергероям-политикам (единственным, кто может справиться со смертельным зеленым криптонитом...). Что означает тот факт, что мы изобрели способ уничтожить все живое на Земле? Да ничего особенного. Мы мечтали об этом как об избавлении от раздумий о нашей личной смерти. Мы создали эмблему, которая может служить зеркальным отражением отброшенной идеи бессмертия. Как безумные диктаторы, мы падаем в обморок от мысли о том, чтобы взять все это с собой в бездну.

Неофициальная версия Апокалипсиса связана со сладострастным стремлением к Концу, к раю, который наступит после светопреставления, где выжившие (или 144 тысячи избранных из «Откровения») смогут предаваться оргиям дуалистической истерии, бесконечным последним сражениям с соблазнительным злом...

Мы видели призрак Рене Генона, иссохший как труп, с феской на макушке (как Борис Карлов в роли Ардисбея в «Мумии»), во главе кладбищенского рок-ансамбля, выдающего «ноу-вэйв-индастриал-нойз» в виде громко жужжащих навозно-мушиных песен о смерти культуры и космоса, — элитарный фетишизм патетических нигилистов, гностическое отвращение к самим себе «постсексуальных» интеллектоидов.

Разве эти унылые баллады — не простые зеркальные отражения всех тех лживых и плоских слов о Прогрессе и будущем, несущихся из каждого громкоговорителя, струящихся, как параноидальные мозговые волны, из всех школьных учебников и телевизоров мира Консенсуса? Танатос хипов-миллениаристов сочится, как гной, из-под фальшивого здоровья рая рабочих и потребителей.

Каждый, кто читает историю обоими полушариями мозга, знает, что мир кончается каждый миг — схлынувшие волны времени оставляют за собой лишь воспоминания о закрытом окаменевшем прошлом — несовершенную память, которая и сама переживает осеннее умирание. И каждый миг в то же время дает рождение миру — несмотря на завывания философов и ученых с окостеневшими членами — рождает настоящее, в котором все невозможности обновляются, где сожаления и дурные предчувствия сходят на нет в едином голограмматическом психомантрическом жесте бытия.

«Нормативное» прошлое или грядущая тепловая смерть Вселенной означают для нас так же мало, как прошлогодний ВВП или как отмирание государства. Все идеалы преходящи, всякое будущее, которые еще не прошло, просто скрывает от наших глаз всеобщее живое настоящее.

Некоторые секты верят, что Конец Света (или этого света) уже наступил. Для Свидетелей Иеговы это случилось в 1914 году (да, ребята, мы уже живем в «Книге Откровения»). Для некоторых восточных оккультистов это случилось во время великого парада планет в 1962 г. Иоахим Флорский объявил Третье царство, то есть царство Святого Духа, которое сменило царства Отца и Сына. Хасан II Аламутский провозгласил великое воскресение, имманентизацию эсхатона, рай на земле. Профанное время исчерпалось примерно в конце Средневековья. С тех пор мы живем в ангелическом времени — только большинство из нас об этом не знает. А можно принять еще более радикальную монистическую точку зрения: время вообще никогда не начиналось. Хаос никогда не умирал. Империя никогда не была основана. Мы не являемся и никогда не были рабами прошлого или заложниками будущего.

Мы предлагаем, чтобы Конец Света был объявлен свершившимся фактом; точная дата неважна. Рантеры[1] в 1650 году знали, что миллениум входит в каждую душу, которая осознала себя самое, свою центральность и божественность. «Радуйся, тварь живая, — приветствовали они друг друга, — Все принадлежит нам!»

Я не хочу никакого другого Конца Света. Мальчик улыбаётся мне на улице. Черная ворона сидит на розовом дереве магнолии, разевая клюв, в то время как оргон накапливается и взрывается над городом каждую долю секунды... начинается лето. Я могу быть вашим любовником... но я плюю на ваш миллениум.

КОММЮНИКЕ 5. «Интеллектуальный садомазохизм — это фашизм 80-х — авангард жрёт дерьмо и ему это нравится!»

Товарищи!

Недавние волнения, связанные с «Хаосом», вытеснили АОА с некоторых реваншистских позиций, что заставило нас, презирающих полемику, по крайней мере, открыть пленарное заседание, посвященное обличениям *ex cathedra*, веским, как черт знает что; наши лица покраснели от риторики, рты брызжут слюной, вены на шее вздуваются от проповеднического пыла. Мы должны наконец опуститься до развевающихся знамен с оскорбительными лозунгами (как в 1930-е годы), провозглашающими, чем не является онтологический анархизм. Вспомните, только в классической физике хаос ассоциируется с энтропией, теплотой, смертью или разложением. В нашей физике (теории хаоса) хаос идентифицируется с Дао, он существует вне инь-энтропии и ян-энергии; он в большей степени — основа континуального мира, чем любое ничто, он пуст как потенциал, а не как исчерпанность (хаос как «сумма всех порядков»).

Из этой алхимии мы извлекаем квинтэссенцию эстетической теории. Хаотическое искусство может действовать устрашающе, оно может действовать как Гран-Гиньоль, но никогда не позволит себе утонуть в гнилой негативности, танатосе, schadenfreude (наслаждении страданиями других), кудахтанье над памятью о нацизме и серийными убийствами. Онтологический анархизм не собирает сопливых фильмов, а доминатрисы, брызжущие французской философией, нагоняют на него смертельную скуку. («Все безнадежно, и я знал это раньше тебя, жопа!»)

Вильгельма Райха довели до безумия и убили возбудители эмоциональной чумы. Может быть, половина его трудов продиктована чистой паранойей (заговоры НЛО, человекобоязнь, даже его теория оргазма); но в одном пункте мы сходимся безоговорочно: сексуальное подавление ведет к одержимости смертью, а она, в свою очередь — к бурной политике. Значительная часть авангардистского искусства насыщена смертельными лучами оргона (DOR). Онтологический анархизм направлен на создание эстетических пушек, разгоняющих тучи (OR-guns), чтобы развеять миазмы мозгового садо-мазохизма, который сейчас сходит за нечто изящное, хипповое, новое, модное. Членовредительствующие художники «перформанса» кажутся нам пошлыми и глупыми — от их искусства всем только хуже. Что за преступное бинарное лошадиное дерьмо... что за рептилии от искусства с тараканьими мозгами сварили эту апокалипсическую похлебку?

Конечно, авангард кажется «умным» — такими же казались и Маринетти, и футуристы, такими же казались Паунд и Селин. Такому уму мы предпочитаем откровенную глупость, буколическую, восторженную безмятежность Новой Эры — лучше мы будем болванами, чем некрофилами.

Но к счастью, нам не нужно выковыривать собственные мозги, чтобы достичь нашей странной формы сатори. Все способности, все органы чувств принадлежат нам как собственность — сердце и голова, интеллект и дух, тело и душа. Наше искусство — это искусство не увечья, а избытка, изобилия, удивления. Переносчики беспричинной тоски — это батальоны смерти современной эстетики, а мы — вымирающий вид. Их показушный банальный зал с оккультным хламом Третьего Рейха и детоубийствами привлекает манипуляторов спектаклем — смерть по телевидению выглядит лучше, чем в жизни — а нас, хаотов, проповедников радостей бунта, вытесняют на обочину немоты.

Излишне говорить, что мы отвергаем любую цензуру со стороны Церкви и государства — но «после революции» мы лично проследим за тем, чтобы сопливые порождения искусства батальонов смерти были сожжены, а их авторы вывезены из города товарным поездом. (В анархистском контексте критика становится непосредственным действием). В моем пространстве нет места ни для Иисуса с его повелителями мух, ни для Чарльза Мэнсона и его литературных почитателей. Я не хочу мирской полиции — но я не желаю и космических палачей с секирой; ни массовых телевизионных убийств циркулярной пилой, ни чувствительных постструктуралистских романов о некрофилии.

В настоящее время АОА едва ли может надеяться на саботирование утешающих механизмов государства и его призрачных схем — но вполне возможно, что мы сумеем что-то сделать хотя бы для того, чтобы зараза DOR, вроде пожирателей трупов с Нижнего Ист-Сайда, и

прочая накипь искусства проявляла себя не столь агрессивно. Мы поддерживаем художников, которые используют ужасающий материал в целях «высшей правды» — тех, кто использует материал любви и секса, пусть шокирующий и незаконный — кто использует собственные гнев и отвращение и собственные истинные желания в порыве к самореализации, красоте и приключению. «Социальный нигилизм», да — но не мертвый нигилизм гностического омерзения к себе самим. Пусть оно будет буйным и ранящим: любой человек, обладающий рудиментарным третьим глазом, отличит революционное искусство, прославляющее жизнь, от реакционного, прославляющего смерть. DOR смердит, и нос хаота чувствует это зловоние — точно так же, как способен унюхать аромат духовного/ сексуального наслаждения, даже заглушаемого и отбиваемого другими, более мрачными запахами. Даже правые радикалы, несмотря на их ужас перед плотью и чувствами, временами переживают моменты обостренного восприятия и сознания — но батальоны смерти, несмотря на их провозглашаемое служение модным революционным абстракциям, предлагают нам столько же освободительной энергии, сколько ФБР, ФДА[2] или баптисты-перекрещенцы.

Мы живем в обществе, которое рекламирует свои самые дорогие товары с помощью образов смерти и увечья, проецируя их прямо в рептильный мозжечок миллионных масс с помощью генерирующих волны, канцерогенных, искажающих реальность приборов — в то время как некоторые картины жизни (в том числе наша любимая детская мастурбация) запрещены и наказываются с невероятной свирепостью. Совсем не надо обладать мужеством, чтобы быть садистом от искусства, потому что распутная смерть составляет эстетический центр нашей парадигмы консенсуса. «Леваки», которые любят рядиться в маскарадные одежды и играть в «полицейского и жертву», люди, которые так и кидаются на фотографии катастроф, люди, которые любят размышлять и разглагольствовать о хаотическом искусстве, о пафосной безнадежности, о прекрасной мерзости, о несчастьях других людей, — такие «художники» не что иное, как полиция без власти (определение, прекрасно подходящее и ко многим революционерам). У нас есть черная бомба для этих фашистов эстетики; она взрывается спермой и хлопучками, сорняками и пиратством, безумными шиитскими ересями и пузырящимися фонтанами рая, сложными ритмами, пульсациями жизни — и все это бесформенно и изысканно.

Проснитесь! Дышите! Ощутите дыхание мира на своей коже! Ловите момент! Дышите! Дышите!

КОММЮНИКЕ 6.

* I. Салон «Апокалипсис»: Тайный театр

Поскольку никакой Сталин не дышит нам в затылок, почему бы не сотворить несколько произведений искусства во имя... бунта? Не расстраивайтесь, если это «невозможно». Чего еще мы должны стремиться достичь, если не «невозможного»? Неужели мы должны ждать, чтобы кто-то открыл нам наши истинные желания? Если искусство умерло и публика

исчезла, можем считать, что мы сбросили с себя двойной мертвый груз. Сегодня каждый своего рода потенциальный художник — а любая публика потенциально вновь обрела невинность, способность стать тем искусством, которое она переживает.

В случае если мы сможем избавиться от музеев, которые носим в себе, если перестанем продавать себе билеты в галереи, живущие в наших черепах, мы сумеем созерцать искусство, которое воссоздает цель волшебника: изменение структуры реальности с помощью манипуляции живыми символами (в данном случае образы, которыми нас «наделили» организаторы этого салона — убийство, война, голод и жадность).

Теперь мы можем созерцать эстетические акции, которые несут в себе резонанс терроризма (или «жестокости», как говорил Арто), направленного скорее на разрушение абстракций, чем людей, скорее на освобождение, чем на власть, скорее на удовольствие, чем на выгоду, скорее на радость, чем на страх. Выбранные нами образы «Поэтического терроризма» имеют темный потенциал; но все образы — это маски, а за масками лежит энергия, которую мы можем обратить в свет и наслаждение.

Например, изобретателем айкидо был самурай, который стал пацифистом и отказался сражаться за японский империализм. Он стал отшельником, поселился в горах и провел жизнь, сидя под деревом.

Однажды бывший офицер-однополчанин явился к нему и обвинил его в измене, трусости и т. п. Отшельник ничего не сказал, а продолжал сидеть; офицер впал в ярость, выхватил меч и нанес удар. Безоружный мастер мгновенно разоружил офицера и вернул ему меч. Снова и снова офицер пытался совершить убийство, пользуясь всеми тончайшими *катами*, которые он знал, — но отшельник каждый раз находил способ разоружить его, пользуясь лишь собственным пустым сознанием.

Офицер, конечно же, стал его первым учеником. Позже они научились *увертываться от пуль*. Мы можем созерцать некую метадраму, передающую вкус этого представления, которое породило совершенно новое искусство, ненасильственный способ сражаться, войну без убийства, «меч жизни», а не смерти.

Заговор художников, анонимных, как всякие безумные бомбисты, но имеющих своей целью акт бескорыстного великодушия, а не насилия — миллениум, а не апокалипсис — или, точнее всего, момент эстетического шока, переживаемый во имя реализации и освобождения.

Искусство — источник роскошной лжи, которая становится правдой.

Возможно ли создать ТАЙНЫЙ ТЕАТР, в котором и актер, и зритель бесследно исчезли — лишь для того, чтобы вновь появиться на новом уровне, где жизнь и искусство стали едины — чистое дарение даров?

[Примечание: салон «Апокалипсис» был организован Шэрон Гэннон в июле 1986 г.]

* II. Убийство — Война — Голод — Жадность

Манихеи и катары верили, что тело может быть одухотворено — или, скорее, что тело попросту оскверняет чистый дух и его надо полностью отвергнуть. Гностики, стремившиеся к совершенству (радикальные дуалисты), морили себя голодом до смерти, чтобы отринуть тело и вернуться в плерому чистого света. Итак: избежать зла, заложенного в плоти — убийства, войны, голода, жадности — как это ни парадоксально, можно только одним способом: убийством собственного тела, войной с плотью, голодом, ведущим к гибели, жадностью до спасения. Однако радикальные монисты (исмаилиты, рантеры, антиномисты) считают, что тело и дух едины, что тот же дух, который содержится в черном камне, пронизывает своим светом и плоть; что все живет, все — жизнь.

«Вещи есть то, что они есть... все естественно... все находится в движении, как будто существует истинный Господь, который движет мир — но если мы станем искать доказательств существования этого Господа, мы не найдем их».

Как ни парадоксально, чтобы следовать монистическим путем, тоже необходимы своего рода «убийство, война, голод, алчность»: превращение смерти в жизнь (пища, негэнтропия) — война против Империи лжи — «пост души», или отказ ото лжи, от всего, что не является жизнью, — и алчность до самой жизни, до абсолютной власти желания.

Более того: без познания тьмы («плотского знания») не существует знания света («гносиса»). Оба знания не просто дополняют друг друга: они скорее идентичны, как одна и та же нота разных октав. Гераклит утверждал, что реальность пребывает в состоянии «войны». Только столкновение нот может породить гармонию. («Хаос как сумма всех порядков».) Наденьте на каждое из этих четырех понятий новую словесную маску (называть фурий «добрыми духами» — не просто использование эвфемизма, но и способ раскрытия более глубинного смысла). Прикрытые масками и ритуалом, реализованные как искусство, эти понятия обретают темную красоту, «Черный свет».

Вместо «убийство» достаточно сказать «охота»; чистая палеолитическая экономика всех архаических и неавторитарных обществ — «культ» (*venerary*), убийство и поедание плоти и одновременно культ Венеры, желания. Вместо «война» скажем «восстание» — не революция, связанная с классами и властью, но вечный бунт темной силы, открывающей свет. Вместо «алчность» — «влечение», непобедимое желание, безумная любовь. А вместо «голода», который сам по себе разновидность увечья, можно говорить о целостности, полноте, изобилии, щедрости «я», которое по спирали движется вовне — по направлению к другому. Без этой пляски масок ничто не может быть создано. Древнейшая мифология считает Эроса первенцем Хаоса. Эрос, дикарь-укротитель — это ворота, сквозь которые художник возвращается к Хаосу, к Единству, а потом возвращается обратно, неся с собой один из образцов красоты. Художник, охотник-воин? Самый страстный и самый уравновешенный, одновременно жадный и великодушный до крайности. Мы должны спасти себя от всех видов спасения, которые спасают нас от самих себя, от нашей *животной* сути,

которая в то же время наша *анима*, жизненная сила, или наш *анимус* — одухотворяющая внутренняя сила, которая может проявляться даже как гнев и алчность. ВАВИЛОН научил нас, что наша плоть мерзка — с помощью этой уловки он поработил нас, посулив спасение. Но если плоть уже «спасена», уже является *светом*, если даже само сознание — это разновидность плоти, осязаемый и единовременный живой эфир — то нам не нужна сила, которая стала бы для нас посредником. Пустыня, как говорил Омар, — рай уже *сейчас*.

На самом деле *убийство* — это принадлежность Империи, ибо единственная свобода — полная жизнь. *Война* также принадлежит Вавилону — ни один живой человек не захотел бы умирать, чтобы возвеличить кого-то. *Голод* появляется лишь вместе с цивилизацией спасителей, жрецов-царей — не Иосиф ли научил фараона спекулировать будущим урожаем? *Алчность* — погоня за землей, за символическим богатством, за властью, позволяющей деформировать души и тела других во имя их же спасения — алчность тоже вырастает не из «природствования природы», а из плотин, воздвигнутых на пути всех форм энергии, чтобы направить на славу Империи. Против всего этого у художника есть одно оружие: танец масок, полная радикализация языка, изобретение «Поэтического терроризма», который бьет не по живым существам, а по зловредным идеям — мертвому грузу на крышке гроба наших желаний. Архитектура удушья и паралича должна быть *взорвана* лишь безоговорочным прославлением всего живого — даже тьмы.

Летнее солнцестояние, 1986 г.

КОММЮНИКЕ 7. Духовный палеолитизм и высокие технологии: изложение позиций

Лишь потому, что АОА то и дело говорит о «палеолитизме», не надо думать, что мы собираемся отшвырнуть себя назад, в каменный век.

Мы вовсе не заинтересованы в том, чтобы «вернуться к земле», если имеется в виду унылая жизнь копающегося в навозе крестьянина, — так же как не желаем «племенного строя», если он связан с табу, фетишизмом и недоеданием. Мы не в конфликте с концепцией культуры — включая технологии, для нас проблема возникает с цивилизацией.

То, что нам нравится в палеолитической жизни, было изложено антропологической школой «Народы-без-власти»: элегантная лень общества охотников и собирателей, двухчасовой рабочий день, одержимость искусством, танцем, поэзией, любвеобильностью, «демократизация шаманизма», культивирование чувственного восприятия — одержимость культурой.

То, что нам не нравится в цивилизации, можно вывести из следующей прогрессии: «сельскохозяйственная революция»; возникновение каст; город с его культом

иератического правления (Вавилон); рабство; догма; империализм («Рим»). Подавление сексуальности «работой» под эгидой «авторитета». «Империя никогда не прекращала существовать».

Духовный палеолитизм, основанный на высоких технологиях — сельскохозяйственный, постиндустриальный, номадический (или «безродно-космополитический») — общество совершенной парадигмы — вот как представляется идеал будущего в соответствии с теорией хаоса, равно как и с «футурологией» (в том смысле, в каком употребляют это слово Роберт Антон Уилсон и Т. Лири).

Что до настоящего: мы отвергаем любое сотрудничество с цивилизацией анорексии и булимии, с людьми, которые так стыдятся того, что никогда не страдали, что изобретают власяницы для себя и других, — с теми, кто жрет без зазрения совести, а потом разбрызгивает блевотину своей вытесненной вины в долгих мазохистских приступах диеты и бега трусцой. Все наши удовольствия и формы самодисциплины принадлежат нам от природы — мы никогда не отрицаем самих себя, мы никогда ни от чего не отказываемся; но некоторые вещи отказались от нас и покинули нас, потому что мы слишком велики для них. Я одновременно пещерный человек и межпланетный мутант, каторжник и свободный принц. Одного индейского вождя как-то пригласили на банкет в Белый дом. Когда разносили блюда, вождь наполнял свою тарелку с верхом, и не один раз, а целых три. Наконец сидящий рядом с ним тип сказал: «Вождь, хе-хе, вам не кажется, что это многовато?» — «Угу, — ответил вождь, — многовато — это как раз достаточно для вождя!»

Тем не менее, некоторые доктрины «футурологии» остаются проблематичными. Например, если мы принимаем освободительный потенциал таких новых технических средств, как телевидение, компьютеры, робототехника, космические полеты и т. п., мы все же видим зазор между потенциальными и реальностью. Опошление телевидения, «яппификация» компьютеров и милитаризация космонавтики показывают, что эти технологии сами по себе не дают «решающей» гарантии, что их будут использовать в целях освобождения.

Даже если мы отвергаем ядерную катастрофу как очередной зрелищный спектакль, призванный отвлечь наше внимание от реальных проблем, мы все же признаем, что «гарантированное взаимное уничтожение» и «чистая война» несколько охлаждают наш энтузиазм относительно некоторых аспектов высоких технологий. Онтологический анархизм хранит верность луддизму как тактике: если данное техническое изобретение, какие бы замечательные возможности ни были в нем заложены на будущее, сегодня используется для того, чтобы меня угнетать, значит, я должен либо выковать оружие для саботажа, либо захватить средства производства (или, что важнее, средства коммуникации). Без *технэ* нет человечности — но никакое *технэ* не стоит больше, чем моя человечность.

Мы отвергаем вихляющий коленками, выступающий против техники анархизм — по крайней мере для себя (ведь есть люди, которые любят заниматься фермерством, во всяком случае, на словах) — и в то же время для нас все формы детерминизма одинаково отвратительны — мы не хотим быть рабами ни собственных генов, ни машин. Все естественное — это то, что мы представляем себе и создаем. «У природы нет законов — только привычки». Для нас жизнь не принадлежит ни прошлому — этой стране знаменитых призраков, чахнувших над

своей оскверненной могилой — товарами — ни будущему, населенному яйцеголовыми мутантами, ревниво хранящими тайны бессмертия, сверхсветовых полетов, генной инженерии и отмирания государства. *Aut nunc, aut nihil*. Каждый миг содержит в себе вечность, в которую можно проникнуть: а мы вместо этого теряем себя, глядя на мир глазами трупов или тоскуя по нерожденному совершенству.

Достижения моих предков и потомков для меня ничуть не важнее, чем поучительная или забавная сказка, — я никогда не скажу, что они лучше меня, даже в целях оправдания собственного ничтожества. Я выдал сам себе лицензию — красть у них все, что мне нужно: духовный палеолитизм или высокие технологии, секреты тайных магистров, удовольствия фривольного дворянства и жизнь богемы.

Вопреки тому, что говорил Ницше, декаданс играет в онтологическом анархизме такую же важную роль, как здоровье, — мы берем то, что нам нужно, у всех.

Декадентские аскеты не ведут глупых войн и не топят свое сознание в микроцефальной алчности и ненависти. Они ищут приключений в художественном новаторстве и неординарной сексуальности, а не в страданиях других. АОА восхищается и берет на вооружение их лень, их презрение к глупости и обыденности, их экспроприацию аристократической рассудительности. Для нас эти качества парадоксальным образом гармонируют со свойствами, присущими каменному веку с его бьющим через край здоровьем, неведением иерархии, почитанием добродетели, а не закона. Мы желаем декаданса без болезненности и здоровья без скуки!

Поэтому АОА всецело поддерживает как все туземные и первобытные народы в их борьбе за полную автономию — так и самые дикие, из ряда вон выходящие фантазии и чаяния футурологов. Палеолитизм будущего (которое для нас, мутантов, уже наступило) может быть повсеместно достигнуто только лишь с помощью массового развития технологии Воображения, научной парадигмы, которая выходит за пределы совершенной механики в мир теории хаоса и галлюцинаций спекулятивного вымысла.

Как безродные космополиты мы претендуем на все красоты прошлого, Востока, племенных обществ — все это может и должно принадлежать нам, даже сокровища Империи: мы должны владеть этим, чтобы делиться. В то же время мы требуем техники, которая превосходит сельское хозяйство, промышленность, даже всеобщность электричества; техники, которая пересекается с природой сознания, включает в себя силу кварков, частиц, двигающихся назад во времени, квазаров и параллельных вселенных.

Враждующие друг с другом идеологии анархизма и либертарианства предписывают каждая собственную утопию, соответствующую их ограниченному видению — от крестьянской коммуны до космического города. Мы же говорим: пусть расцветают тысячи цветов, только без садовника, выпалывающего сорняки, и без упражнений, соответствующих какой-либо морализаторской или евгенической схеме. Единственный истинный конфликт — это конфликт между авторитетом тирана и авторитетом реализованного «я», все остальное — иллюзия, психологическая проекция, слова, выброшенные на ветер.

В определенном смысле сыновья и дочери Геи так и не покинули палеолита, в то же время — все совершенство будущего уже принадлежит нам. Лишь бунт может «разрешить» этот парадокс; лишь восстание против ложного сознания, как нашего собственного, так и чужого, сметет технику подавления и убожество Спектакля. В этом сражении разрисованная маска или бубен шамана могут оказаться так же жизненно необходимыми, как захват спутника связи или засекреченной компьютерной сети. Единственный наш критерий выбора оружия или орудия — это его красота. Средства уже в некотором смысле являются целью; бунт уже стал нашим приключением. Становление есть бытие. Прошлое и будущее существуют в нас и для нас, альфа и омега. Ни до нас, ни после нас нет других богов. Мы все свободны во времени — и станем свободными также и в пространстве.

КОММЮНИКЕ 8. Теория Хаоса и нуклеарная семья

Воскресенье в парке на берегу реки: папаши удерживают сыновей на месте, пригвозждая их к траве злобными заколдованными взглядами молочных уз и заставляя часами бросать туда-сюда бейсбольные мячи. Мальчики похожи на маленьких святых Себастьянов, пронзенных стрелами скуки.

Самодовольные ритуалы семейных радостей превращают любую летнюю влажную лужайку в тематический парк, где каждый сын, сам того не ведая, превращается в аллегию папашиного богатства, бледное отражение, в два или три раза меньше натуральной величины: ребенок как метафора того-или-иного.

И едва наступают сумерки, прихожу я, зависаю на грибной пыли, наполовину уверенный, что все эти сотни светлячков — порождение моего собственного сознания: где они были все эти годы? Откуда их сразу столько? — каждый вспыхивает и взлетает, описывая быстрые полукружия, словно абстрактные графики энергии спермы.

«Семьи! Скупцы любви! Как я их ненавижу!» Бейсбольные мячи бесцельно летают в сумеречном свете, их не удастся поймать, голоса звучат громче в обреченной усталости. Дети ощущают корку заката, покрывающую последние часы отпущенной им свободы, но папаши упорствуют, продлевая тепловатую постлюдию своей патриархальной жертвы до самого ужина, пока тени не съедят траву.

Один из этих детей «среднего класса» на миг скрещивает со мной взгляд — я телепатически передаю образ сладкой вседозволенности, запах времени, освобожденного от всех оков школы, уроков музыки, летних лагерей, вечеров в кругу семьи, воскресений-в-парке-с-папой — истинного времени, хаотического времени.

Вот семья покидает парк — маленький взвод недовольства. Но этот оборачивается, заговорщически улыбается мне: «Сообщение получено» — и упархивает вслед за светлячком, окрыленный моим желанием. Отец рявкает мантру, уничтожающую мою власть.

Момент упущен. Мальчик поглощен недельным распорядком, он исчезает, как голоногий пират или индеец, взятый в плен миссионерами. Парк знает, кто я такой, он ворочается подо мной, как гигантский ягуар, готовый проснуться и приступить к ночной медитации. Печаль еще сковывает его, но в своей глубинной сути он остается неприрученным: изысканный беспорядок в сердце ночи.

КОММЮНИКЕ 9. Двойное порицание

I. X-стианство

Снова и снова мы надеемся, что этот мировоззренческий труп испустил последний мстительный вздох и отплыл по направлению к окончательному превращению в тыкву. Снова и снова мы воображаем, что это непристойное пугало на пути в смерть, припиленное к стенам всех гостиных, потерпело полное поражение и никогда больше не завоюет нам о наших грехах... но снова и снова оно воскресает и приползает назад, чтобы преследовать нас, словно маньяк третьесортного сопливого порнофильма — тысячного римейка «Ночи живых мертвецов» — оставляя за собой, словно улитка, слизистый след хнычущего смирения... едва вы подумали, что он надежно упрятан в подсознании... «Челюсти» вместо Иисуса. Берегитесь! Циркулярная пила — закоренелые баптисты!

... а леваки, испытывая тоску по пункту Омега своего диалектического рая, приветствуют любую гальванизацию прогнившей веры криками восторга: станцуем танго со всеми этими марксистскими епископами из Латинской Америки — пропоем балладу в честь благочестивых польских докеров — заголосим спиричуэлс по поводу последнего афро-методистского кандидата в президенты в надежде на библейский пояс.

АОА отвергает теологию освобождения как заговор монашек-сталинисток — алая тайна Вавилонской блудницы в тропиках напрямую связана с красным фашизмом. «Солидарность»? Личный профсоюз Папы, поддерживаемый АФТ-КПП, Ватиканским банком, франкмасонской ложей пропаганды[3] и мафией. И если бы мы когда-нибудь голосовали, мы бы никогда не израсходовали этот пустой жест на какого-нибудь христианского пса, неважно, какой породы и масти.

Что до настоящих христиан, этих унылых святош, которые сами себе произвели лоботомию, этих мормонов-детоубийц, этих звездных воинов рабской морали, телеевангелистов-чернорубашечников, отрядов зомби Святой Девы Марии (которая парит в розовом облаке над Бронксом, плюясь ненавистью, анафемой, розами блевотины на детскую сексуальность, малолетних беременных и гомосексуалистов)...

Что до настоящих приверженцев культа смерти, ритуальных каннибалов, вырожденцев Армагеддона — христианского права — мы можем только молиться, чтобы Снизшла Радость и выхватила их всех из-за рулей их автомобилей, с их тепленьких стадионов, из их целомудренных постелей, унесла их на небо и дала нам возможность жить по-человечески.

II. Сторонники и противники аборт

Головорезы, бомбардирующие клиники аборт, принадлежат к той же ужасной породе зловредных глупцов, что и епископы, которые болтают о мире и в то же время осуждают все разновидности человеческой сексуальности. У природы нет законов («есть только привычки»), и любой закон неестествен. Все относится к сфере личной/воображаемой морали — даже убийство. Однако согласно теории хаоса из этого не следует, что мы должны одобрять и оправдывать убийство — или аборт. Хаос был бы рад видеть каждое зачатое вне брака «дитя любви» выношенным и рожденным; сперма и яйцеклетки сами по себе — лишь симпатическая внутренняя секреция, но соединенные в спирали ДНК, они становятся потенциальным сознанием, негэнтропией, радостью.

Если «мясо — это убийство», как любят провозглашать вегетарианцы, то что такое аборт? Тотемисты, исполнявшие ритуальные танцы для животных, которых они убивали, медитировавшие, чтобы стать единым целым со своей живой пищей и разделить ее трагедию, демонстрировали ценности гораздо более гуманистические, чем среднестатистическая клика феминистских либералов, провозглашающих свободу выбора.

Какой ни взять «пункт повестки дня», состряпанный для «дебатов» в сценарии Спектакля, обе спорящие стороны неизменно полны дерьма. «Проблема аборт» — не исключение...

КОММЮНИКЕ 10. Вопросы пленарного заседания — новые обличения: ОЖИДАЮТСЯ ЧИСТКИ.

Вот что мы должны заявить, чтобы отвязаться от любой липкой кармы, которую мы, возможно, навлекли на себя своими огнедышащими проповедями против христианства и прочих ужасиков про Конец Света, и восстановить свое доброе имя: АОА так же обличает всех заново рожденных, вихляющих коленками атеистов с их потрепанным багажом вульгарного материализма, который они таскают с собой с конца викторианской эпохи. Мы, конечно, приветствуем всяческие антихристианские чувства и все нападки на все организованные религии. Но... если послушать некоторых анархистов, можно подумать, что 60-х годов никогда не было и никто не избавился от привычки к ЛСД. Что до самих ученых, то напоминающее Алису в Стране Чудес безумие Теории полноты и хаоса привело лучших их представителей к даосизму и веданте (не говоря уже о дада) — и все-таки, когда читаешь «Спичку» и «Свободу»[4], кажется, будто наука законсервировалась где-то на уровне князя Кропоткина, а «религия» — на уровне епископа Эшера. Конечно, мы презираем чернорубашечников эры Водолея, тех своеобразных гуру, которых недавно восхваляла «Нью-Йорк Таймс» за их вклад в Большой Бизнес, зомбированных яппи с их культом гарантированной франшизы, анорексическую метафизику банальностей, свойственную Новому времени... но нашему эзотеризму никогда не бросят вызов все эти менялы-посредственности и их клеветы с высохшими мозгами.

Еретики и антиномические мистики Востока и Запада разработали системы, основанные на внутреннем освобождении. Некоторые из этих систем имеют налет религиозного мистицизма и даже социальной реакционности; другие кажутся более или менее радикальными или «психологическими», а некоторые даже кристаллизуются в революционные движения (уравнители-милленаристы, ассасины, движение «желтых повязок» в даосизме и т. п.). Несмотря на все свои недостатки они обладают определенным магическим оружием, которого попросту нет в анархизме: 1) чувство мета-рационального (метанойя), умение проникнуть за пределы ламинированного мышления в область чистого (или номадического, или хаотического) мышления и восприятия; 2) правильное определение самореализованного или освобожденного сознания, позитивное описание его структуры и техники его достижения; 3) последовательный архетипический взгляд на эпистемологию — то есть путь к познанию (например истории), который использует герметическую феноменологию, чтобы раскрыть модели значений (нечто вроде сюрреалистической «параноидальной критики»); 4) учение о сексуальности (в «тантрических» аспектах разных Путей), в котором ценностью обладает наслаждение, а не самоотречение, не только наслаждение само по себе, но и как орудие усиленного осознания освобождения; 5) отношение к миру как к празднеству, то что можно назвать «концепцией Праздника», упразднение духовного долга благодаря внутренней щедрости, имманентной самой реальности; 6) язык (включая жесты, ритуал, интенциональность), с помощью которого можно оживить эти пять аспектов сознания и вступить с ними в диалог; и 7) молчание.

Нет ничего удивительного в том, что огромное количество анархистов — это экс-католики, попы-расстриги или монахини, бывшие церковные служки, баптисты, отошедшие от веры, и даже бывшие фанатики-шииты. Анархизм предлагает черной (и красной) массе деритуализировать все мозги, осаждаемые призраками — совершить светский экзорцизм; но потом выдает себя тем, что возводит собственную Высокую церковь, всю в паутине этического гуманизма, свободной мысли, атеизма с кулаками и грубой фундаменталистской картезианской логикой.

Два десятилетия назад вы начали претворять в жизнь проект по превращению себя в безродных космополитов, намеренных разбить оковы всяческих племен, культур и цивилизаций (включая свою собственную) на жизнеспособные фрагменты и из этой кучи обломков создать собственную живую систему, если только (как предостерегал Блейк) мы не станем рабами кого-нибудь еще. Если какой-нибудь яванский шаман или коренной житель Америки обладает драгоценным фрагментом, который нужен мне для моей «аптечки», неужели я должен хихикать и, перефразируя Бакунина, требовать «удавить последнего попа кишкой последнего банкира»? Или же я должен помнить, что анархия не знает догм, что хаос нельзя нанести на карту, — и пользоваться всем, что плохо лежит, что еще не припилено к странице гербария.

Самые ранние определения анархии можно найти в «Чжуан-цзы» и других даосских текстах; «мистический анархизм» может похвастаться более развесистой родословной, чем его греческо-рационалистический вариант. Когда Ницше говорил о «гипербореях», думаю, он предвосхитил нас, тех, кто пережил смерть Бога — и возрождение Богини, — и перешел в мир, где дух и материя едины. Каждое проявление этой иерогамии, каждый материальный предмет и каждая жизнь становятся не просто «священными» сами по себе, но символами

своей собственной «божественной сущности».

Атеизм — не что иное, как опиум для народа (или скорее для его «элиты», которая сама себя таковой назначила); но это не очень-то яркий или сексуальный наркотик. Если уж следовать совету Бодлера и быть всегда в опьянении, то АОА предпочтет что-нибудь вроде грибов, так что спасибо большое, Хаос — самый старый из всех богов; хаос никогда не умирал.

КОММЮНИКЕ 11. Инвектива по поводу приправ: час от часу не легче!

АОА призывает к бойкоту всех продуктов, продаваемых под шибболетом LITE, то есть «легкий»: пива, мяса, шоколада местного производства, косметики, музыки, расфасованных «образов жизни» и т. п.

Концепция «легкости» содержит в себе целый комплекс символов, с помощью которых Спектакль надеется компенсировать всякое отвращение к превращению желаний в товар. «Естественный», «органичный», «здоровый» продукт предназначен для того сектора рынка, которым пользуется умеренно неудовлетворенный потребитель с умеренными проявлениями «футуршока» и умеренным стремлением к тепловатой аутентичности. Для нас приготовлена ниша, мягко освещенная иллюзиями простоты, чистоплотности, худобы, налета эстетизма и самоотречения. Конечно, это стоит несколько дороже... в конце концов, «легкость» не предназначена для бедных голодных примитивов, которые все еще считают пищу питанием, а не украшением. Оно и должно стоить дорого — иначе вы этого не купите.

Американский «средний класс» (не спорьте — вы прекрасно знаете, что я имею в виду) естественным образом распадается на две противоположные, но дополняющие друг друга половины: армию анорексии и армию булимии. Клинические случаи этих заболеваний представляют собой лишь психосоматическую пену на волне культурной патологии, глубокой, рассеянной (как склероз) и во многом неосознаваемой. Булимией страдает выбившаяся в яппи деревенщина, которая с удовольствием пожирает пиццу «Маргарита» и гамбургеры, потом очищает организм «легкой» пищей, бегом трусцой или аэробическими конвульсиями.

Аноректики — это бунтари «образа жизни», ненавистники пищи, пожиратели водорослей, безрадостные, бездуховные и унылые — но самодовольные в своем пуританском рвении и в своих власяницах от лучших Кутюрье. Жуткая пища-труха просто представляет собой «утонченную» разновидность дьявольской «здоровой пищи»: у всего вкус либо опилок, либо пищевых добавок; все это либо скучно, либо канцерогенно — и, в любом случае, все нестерпимо глупо.

Пище, сырой или вареной, никуда не деться от символизма. Она существует и в то же время символизирует то, чем она является. Вся пища — это пища души; относиться к ней по-другому значит культивировать понос — как хронический, так и метафизический.

Но в безвоздушном склепе нашей цивилизации, где почти любое переживание опосредовано, где реальность процеживают сквозь смертельные ячейки восприятия-как-консенсуса, мы теряем представление о пище как о питании: мы начинаем конструировать для себя личины, исходя из того, что мы потребляем, и относиться к продуктам как к проекции нашего стремления к аутентичности.

АОА иногда рассматривает хаос как рог изобилия непрерывного созидания, как некий гейзер космической щедрости; поэтому мы воздерживаемся от того, чтобы превозносить какую-либо диету, дабы не идти против священного многообразия и божественной субъективности. Мы не собираемся навязывать вам очередное новомодное предписание, как стать совершенно здоровым (совершенно здоровы только мертвые): нас интересует жизнь, а не образ жизни.

Истинной легкостью мы восхищаемся, но тучная тяжесть радует нас в свое время. Избыток нас полностью устраивает, умеренность нам приятна, и мы знаем, что голод может быть самой тонкой из приправ. Легкость присутствует во всем, и самая густая зелень растет вокруг отхожего места. Мы мечтаем о столах-фаланстерах и кафе «боло-боло», где каждая развеселая компания едоков сможет разделить личную гениальность Брийя-Саварена (этого святого от вкуса).

Шейх Абу Саид никогда не копил денег и даже не оставлял их до следующего утра — так что если какой-нибудь покровитель жертвовал тугой кошелек его приюту, дервиши отмечали это событие обильным пиром; зато все остальные дни они ходили голодные. Смысл был в том, чтобы наслаждаться обоими состояниями: пустого и полного брюха...

LITE пародирует духовную легкость и просветленность, так же как «Макдональдс» — это карикатура на образы сытости и пира. Человеческий дух (не говоря уже о голоде) способен возвыситься над всем этим фетишизмом и преодолеть его — радость способна жить даже в Бургер Кинге, и даже бутылка «легкого» пива может скрывать в себе частичку Диониса. Но почему мы должны бороться с этой мусорной волной дешевой дряни, когда могли бы пить вино рая уже сейчас, в наших собственных виноградниках, под своим фиговым деревом?

Пища принадлежит к сфере повседневной жизни — главной арене любого бунтарского самоутверждения, любого духовного самосовершенствования, любой борьбы за удовольствие, любого восстания против планетарной машины труда и ее псевдожеланий. Мы вовсе не склонны к догматизму: охотник-индеец может подпитывать свою радость жареной белкой, анархо-даос — горсткой сушеных абрикосов. Тибетец Миларепа, после того как десять лет питался супом из крапивы, съел бисквит и достиг просветления. Зануда не видит эротизма в хорошем шампанском; волшебник же может опьянеть от стакана воды.

Наша культура, задыхаясь от собственных миазмов, кричит: «Эй вы, полегче!» — как будто эти полиненасыщенные отбросы могут хоть как-то облегчить наши страдания, как будто их тупая, безвкусная и невесомая безликость способна защитить нас от наступающей тьмы. Нет! Эта последняя иллюзия слишком уж жестока.

Несмотря на нашу склонность к лени, мы просто вынуждены выступить с протестом. Бойкот!
Бойкот! *Turn off the LITE!*

Приложение: меню для анархистского черного банкета (для вегетарианцев и мясоедов):

Блины с икрой; яйца столетней давности; кальмары и рис, тушеные в чернилах; баклажаны в кожуре с маринованным черным чесноком; дикий рис с черными каштанами и черным груздями; трюфели в черном масле; обугленная оленина, маринованная в портвейне, подавать на ломтях черного хлеба с гарниром из жареных каштанов. Черный кофе, черный виноград, сливы, вишни и т. п.

Примечания

[1] Рантеры — британская радикальная пантеистическая и антиномистская секта XVII в. Рантеры ужасали современников нескрываемым пантеизмом (например, говорили: «Мы и есть Бог») и отрицанием внешних норм поведения (демонстративно сквернословили, пьянствовали и практиковали групповой секс). *Здесь и далее — прим. перев.*

[2] Управление по контролю над пищевыми продуктами и медикаментами при правительстве США.

[3] Имеется ввиду «суперложа» «П-2» («Пропаганда-2»), вокруг которой в 1981 г. в Италии разразился грандиозный скандал. Выяснилось, что возглавлявшаяся фашистом Личо Джелли «П-2» фактически подменила собой легальную власть в Италии, разрабатывала планы государственных переворотов, создавала и руководила деятельностью ультраправых подпольных террористических организаций, осуществляла убийства, тайно торговала оружием и наркотиками, проводила совместно с католическим банком «Амброзиано» финансовые спекуляции и т. д.

[4] Американские анархистские и агностицистские издания.

Версия #3

Зверобой создал 13 мая 2025 00:34:22

Зверобой обновил 13 мая 2025 00:45:18